

Символ и смысл как фундаментальные ценности культуры

Релятивизм и догматизм – Сцилла и Харибда аксиологии. Когда говорят о мире ценностей, то существует, с одной стороны, опасность крайнего релятивизма и плюрализма, что лишает любые ценности даже намека на какой-либо онтологический статус, а с другой стороны – опасность фетишизации каких-либо определенных ценностей, что автоматически ведет к отрицанию других ценностей, противоречащих принятым. Решение этого проблемного узла связано с решением фундаментального мировоззренческого вопроса: *обладает ли субъективная реальность атрибутом истинности?*

С этой методологической и мировоззренческой проблемой рано или поздно сталкивается любая наука, не только гуманитарная. Вспомним лингвистику с ее семантикой и прагматикой, психологию с ее психофизической проблемой и проблемой содержания и структуры психики, кибернетику с ее теорией информации и лженаукой информациологией, культурологию с ее проблемой определения собственного предмета, социологию с ее проблемой определения субъекта социального действия, политологию с ее проблемой роли идеологии. Сегодня это становится предметом анализа философии.

В современной философии одним из важнейших понятий в контексте этой проблемы является, на наш взгляд, понятие *виртуальной реальности*. Под виртуальной реальностью сегодня понимают реальность медийную, реальность электронных средств коммуникации. Это то, о чем писал в своей работе «Реальность масс-медиа» Н. Луман, и то, о чем писал в своей книге «Америка» Жан Бодрийар. А также то, о чем писал Элвин Тоффлер, утверждая, что «происходящее сегодня – это не просто технологическая революция, а приближение совершенно новой цивилизации в полном смысле слова», «Гигантские центральные компьютеры с их скрежещущими принтерами и сложными системами охлаждения заменит множество чипов, установленных тем или иным способом в каждом доме, больнице, отеле, автомобиле, в

сущности, в каждом строительном кирпиче. Мы будем жить в электронной среде». [1. С.556, 560-561.]. Все авторы в качестве существенного признака современной социальной реальности выделяют так или иначе информацию, а современное общество чаще всего характеризуется как «информационное».

Между тем, при более пристальном исследовании выясняется, что понятие «виртуальный» не так однозначно и имеет давние корни. Интересно, что английский термин **virtual** означает одновременно как «фактический, действительный, являющийся», так и «возможный, предполагаемый, мнимый». В философии он применялся и ранее. Предположение о том, что некая реальность способна генерировать иную реальность, не идентичную порождающей, выдвигал еще Василий Великий. В средневековой схоластике употреблялась оппозиционная пара «виртуальный» – «актуальный» и «виртуальный – константный». Фома Аквинский, выделяя вслед за Аристотелем душу растительную, животную и разумную, писал, что последняя, разумная, то есть человеческая, «**виртуально** содержит в себе душу животную и душу растительную». Позже Николай Кузанский в работе «О видении Бога» писал о «виртуальном» пребывании дерева в своем семени и вообще [2. С.46-47.], отождествляя тем самым виртуальную реальность с Божественной первопричиной, то есть объективной закономерностью, отражаемой нашим интеллектом. О виртуальной деятельности писал в конце XIX века А.Бергсон, имея в виду некую «закупоренную», то есть не совершенную в результате возникшего препятствия деятельность. Такая, «закупоренная», деятельность не исчезает и не становится потенциальной, а остается актуально существующей и действующей особым образом. Этот тип существования и был назван А.Бергсоном «виртуальным». В психологии позже это было названо «установкой», или в западной терминологии – «аттитюд».

Таким образом, существует давняя традиция употребления термина «виртуальный» в значении *«возможность, готовая стать действительностью»*, или, точнее, *«возможность, которая станет действительностью при определенных, зависящих в том числе и от нас,*

условий». Не создадим условия – не станет потенциальная возможность действительностью. Создадим – станет.

Нам представляется, что такая трактовка понятия виртуального гораздо глубже и продуктивнее. В конечном итоге такая трактовка восстанавливает диалектику бытия и сознания, возможности и действительности, объективной реальности и субъективной реальности. Но для того, чтобы это заработало, необходимо сделать предметом серьезного изучения понятие и феномен реальности в его различных модусах: социальной реальности, виртуальной реальности, языковой реальности, культурной реальности и художественной реальности и т.д. То есть, иначе говоря: ***понятие виртуальной реальности и практику медийной реальности необходимо рассматривать в их связи с проблемой отношений объективной реальности и субъективной реальности.*** И никак иначе. В то время как отрыв проблемы реальности и понятия виртуальной реальности от указанной проблематики приводит к рождению таких симулякров, которые уже в ближайшее время способны переформатировать наше общество до неузнаваемости.

Приведу лишь два примера. Первый – отождествление виртуальной реальности с медийной и компьютерной реальностью. Такое отождествление приводит к практической фетишизации информации. Теоретическая фетишизация уже была произведена в различных теориях «информационного общества» (которого нигде нет), «постиндустриального общества» и т.д. Вспомним «третью волну» Тоффлера. Практическая фетишизация происходит сейчас. А фетишизация информации, в свою очередь, ведет к симулякризации общества и к созданию управляемого жизнерадостного стада. В нашей сегодняшней действительности мы наблюдаем, например, появление новых лженаук, никакого отношения не имеющих к знаниям. Речь идет о новой «науке» «информациологии». Не о теории информации, науке, рожденной в недрах кибернетики, а об «информациологии». В издательстве «Высшая школа» в 2000 году вышла книга И.И. Юзвина, академика и председателя нашей российской «Международной академии информатизации», имеющей

Генеральной консультативный статус ООН и Всемирного информациологического парламента. Труд г-на Юзвизина рекомендуется этой организацией как «учебник для высших и средних учебных заведений». В книге автор пишет буквально следующее: «Бог - это Информация, и Информация - это Бог вездесущий». Информация вечна, вездесуща, всемогуща, беспредельна, бесконечна и т.д. – см. атрибуты бога в любой религии. «Следует отметить, что, в частности, информация принципиально отлична от материи, поэтому для обнаружения и познания природы тончайших ее структур не должны применяться материальные методы научных исследований, а методы дематериализованной информации». Согласно предисловию, "наука информациология" изучается на 3-м курсе двух столичных вузов - МИРЭА и МАИ. К счастью, МАИ – это не всего лишь Московская академия информатизации, а не Московский архитектурный институт. Утверждается, что после такого курса студенты становятся «специалистами, которым под силу не только информациологические исследования, но... также мысленные эксперименты в рамках материосфер и вакуумосфер Вселенной». Можно себе представить, какие в этом случае «проекты» могут родиться в головах студентов.

Другой пример – еще одна лженаука энеология, создателем которой считается Альберт Игнатенко, облеченный многими официальными званиями, в том числе академическими. Он пишет в своей программной работе: «Долгое время материалисты и идеалисты спорили о первопричине сущего. Материалисты считают такой причиной материю, идеалисты — сознание, **энергетисты — энергию**». Глава XI работы автора называется «Психоэнергосуггестия - новое направление в мировой практике». С этим трудно согласиться; психоэнергосуггестия – это не новое направление в мировой практике. В последний раз она применялась в немецком третьем Рейхе очень удачно. Не удивительно, что в научной биографии автора обнаруживаешь работу по политтехнологиям.

Итак, философская категория реальности сегодня становится ареной острой мировоззренческой борьбы, которая заслуживает того, чтобы ее вести, а не замалчивать. Анализ этой категории в современном аспекте показывает, что корнем является проблема соотношения субъективной и объективной реальностей, точнее – **проблема истинности субъективной реальности**. Одной из форм сокрытия проблемы и ее не решения является пресловутая «виртуализация» социальной реальности, которая имеет две стороны. Первая – это искажение понятия «виртуальный», смазывания его мировоззренческого характера через приписывание ему значения только связанного с информационными технологиями. В то время как это – психологический термин. И вторая сторона - фетишизация информации и всего, что с ней связано. Что ведет к появлению мощных манипулятивных практик, в числе которых – рождение разных лженаук, лжеакадемий и дисциплин-симулякров.

В связи с вышесказанным нам представляется важным обратить пристальное внимание на символическую концепцию культуры, которая еще не так давно была очень популярна, но сегодня по каким-то причинам оказывается забытой.

Еще в эпоху западноевропейского Просвещения утвердилось понимание языка как особой исторически сложившейся объективной реальности, как особом «языковом мировидении», согласно которому слова разных языков – это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а «различные видения» этого предмета. Мы, таким образом, имеем в качестве особой реальности «исторически закрепленную в языке систему значений и смыслов, посредством которой (а не непосредственно) и происходит «преобразование» внеязыковой действительности в объекты сознания» [3].

В начале двадцатого столетия в трудах ряда исследователей, прежде всего Э.Кассирера, проявляется символическая концепция культуры [4]. В этой концепции особое значение придается *символу*, «*символическому запечатлению*» в противоположность знаку, знаковому

обозначению. Символический процесс, пишет Кассирер, является как бы «единым потоком жизни и мышления, пронизывающим сознание и создающим своим течением многообразие и связь сознания – его полноту, непрерывность и постоянство». [4.Т.3. С.160.]

Тем самым символическая концепция культуры продолжает известную традицию немецкой классической философии. Шеллинг разграничивал *символ*, *аллегория* и *схему* как три разных способа изображения. Согласно Шеллингу, **символ есть синтез** аллегории и схематизма, где ни общее не обозначает особенного, ни особенное не обозначает общего, но где и то и другое абсолютно едины. Само бытие возможности «не аллегорично и не схематично, оно есть абсолютная неразличимость того и другого – символическое». [5. С.109, 111.] Символ есть целое, которое непереводаемо с помощью других знаковых систем, поэтому исследователи видели специфику символа в ***единстве явления и значения***. Таким образом, с позиций эстетики символ есть «совпадение явления и идеи», а все искусство – символично. Именно поэтому сторонники эстетической трактовки символа считают, вслед за Шеллингом, искусство высшей формой культуры: $\sigma\upsilon\mu\beta\alpha\lambda\lambda\epsilon\iota\nu$ по-гречески – «сводить воедино».

У Э. Кассирера символизация характерна отнюдь не только для науки, где научное понятие – кирпичик научного языка, она характерна для всех форм духовного творчества. Человек живет теперь не только в физическом универсуме, но и в символическом универсуме, теперь мы должны, говорит Кассирер, определить человека не как *animal rationale*, а как ***animal symbolicum***. [6.С.28].

Но почему только духовного? И почему только творчества? *Символизация характерна для всей культуры в целом*, и для материальной, и для «нетворческой», потому, что символ, знак, как и любое «имя», имеет значение (денотат) и смысл (концепт), а знаками, символами культуры в целом является вся совокупность материальных и духовных продуктов человеческой деятельности. У Э. Ильенкова «знаками» являются даже и формы этой

деятельности: «Идеальное – субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира *в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли*» [7. С. 165.].

Сущность символов, конечно, идеальна, поскольку они – «репрезентанты множества»; они есть смысло-образы или смысло-понятия. Но является эта сущность для нас в материальной форме. Все то, что мы называем артефактами материальной культуры: предметы быта, орудия труда, продукция промышленности и сельского хозяйства и многое другое – все это не просто вещи, а репрезентанты, красноречиво рассказывающие о ценностях, потребностях, национальных особенностях, психологическом складе людей. Но феномены также и духовной культуры являются нам во вполне материальной форме: будь то произведения искусства, феномены языка или научные понятия – их «существование-для-нас» вполне материально.

Далее, очевидно, что человек — существо *предметное*, то есть не только нуждающееся в материальных предметах природы (в этом нуждается и животное), но и создающее предметный материальный мир по законам самого предмета, то есть по законам природы, творя *предметный* мир культуры как своей «второй природы». Взятый под углом зрения его человеческой, *онтологической* значимости этот предметный мир культуры есть «зеркало человека», отражение его сущности, его обобщенно-типизированный, доведенный до символического выражения образ. С этой точки зрения вся так называемая «материальная» культура как совокупность материальных предметов, производимых человеком, и именно она в первую очередь и есть **«символически значимая деятельность»** [8. С.19.].

Надо отметить здесь, что предметная сущность человека была выявлена и адекватно проанализирована уже Г.В.Ф. Гегелем. Немецкий философ прекрасно понимал роль руки, этого уникального «орудия орудий», в культуре и истории, а также и «предметность» человека видел не в том, что человек нуждается в предметах природы, а в том, что человек через взаимодействие с предметом вникает в универсальные зависимости и существенные отношения

природы. И в первую очередь именно предметно-преобразующая деятельность одухотворяет человека, то есть делает его думающим субъектом, субъектом, понимающим и объясняющим природу. Так что первым духовным актом человека было обыденное, предметно-действенное мышление, а уже затем человек смог создать и мифы, и религию, и искусство. Была Гегелю понятна также и вторая сторона «предметности» человека, а именно тот факт, что в предметах культуры, во «второй природе» опредмечиваются сущностные силы человека.

Следовательно, «символический характер предметных образований культуры расшифровывается как свойство предмета воплощать в своем чувственно-телесном облике определенный *человеческий смысл*» [9. С.53,63.]. И такой человеческий смысл вещь получает в контексте ее не природного, а человеческого – воображаемого или действительного – бытия. Эта способность вещи содержать в себе *человеческие смыслы* и характеризует ее как артефакт. Но, создавая мир вещей, человек воссоздает одновременно и себя как человека, и не только в том смысле, что материально «удваивает» себя в мире культуры, в мире «второй природы», в вещах-символах, но и в том смысле, что этот мир вещей-символов, создаваемый человеком, творит, формирует самого человека – как в онтогенезе, так, что важнее, и филогенезе. Поэтому «предметное богатство общества есть лишь *внешняя форма* культуры. Ее действительным содержанием оказывается *развитие самого человека как общественного существа*» (курсив автора) [9. С.53,63.]. Иначе говоря, *культурное богатство нации определяется не столько количеством и качеством предметов, вещей и даже идей самих по себе, сколько количеством и качеством смыслов, носителями которых являются не предметы, а люди.* Можно наполнять «национальную идею», то есть некую теоретически-идеологическую концепцию, какими угодно великими, высокими, прекрасными и «правильными» смыслами, но культура нации будет зависеть не столько от этого, сколько от другого – от отношения самой ныне живущей нации к миру, в

том числе и к этой созданной профессионалами-идеологами «национальной идее».

Отсюда следует, что едва ли не главной проблемой мира ценностей, а, следовательно, и задачей государственной политики в сфере идеологии является **проблема ценности самой ценности**, что неизбежно связано с проблемой статуса ценности и ее соотношения с истиной.

Литература

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999.
 2. Кузанский Н. О видении Бога // Кузанский Н. Сочинения в двух томах. Т.2. М.,1980.
 3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
 4. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Tell I. Die Sprache. Berlin, 1923. Tell II. Das Mythische Denken. Berlin, 1925. Tell III. Phanomenologie der Erkenntnis. Berlin, 1929. В русском переводе: Кассирер Э. Философия символических форм. В 3-х томах. М., СПб., 2002.
 5. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М., 1966.
 6. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. Что такое человек? // Проблема человека в западной философии. М.,1988
 7. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.,1984
 8. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Ереван, 1980.
 9. Межуев В.М. Культура как объект познания // Проблемы философии культуры. М.,1984.
- Опубликовано: Аксиология детства и стратегии образования. Материалы XX м/н конференции «Ребенок в современном мире. Ценностный мир детства». 17-19 апреля 2013 г. СПб.,2013. С.272-277.